

* RECENZE *

Философия языка: В границах и вне границ. Ред. коллегия: Ю. Степанов, Н. Арутюнян, В. Демьянков, В. Петров, А. Факторович, В. Прокопенко, Д. Руденко, Ю. Сватко, К. Норман, М. Мамудян, Я. Ядацки. – Харьков, «ОКО», 1994. Том 2. 176 с. (Международная серия монографий).

Если первый сборник международной серии монографий был посвящен анализу и уяснению статуса лингвофилософских парадигм (с теми или иными вариациями в трактовке данного термина), то предметом линвофилософской медитации во втором сборнике выступает идея пространства (его позиции в философии языка заметно укрепились со времени выхода в свет полифонической монографии Ю. С. Степанова «В трехмерном пространстве языка»), понимаемая довольно широко: пространство языка, пространство символа, пространство духа, реальные и воображаемые пространства и миры. Фоном для осмысления всех этих топосов выступает человеческое бытие-в-культуре, раскрывающееся через феномены смерти и бессмертия, имени и безымянности, метафизики как болезни языка, постмодернистской концепции потока «опыта-как-потока», идеологического захвата языка и проч. Ключевым концептом дискурса о пространстве является *эйдос* в феноменологическом понимании – как постижение чистой сущности, не оскверненной фактом дифференциации. Именно такой – эйдетический – подход к проблеме пространства и отстаивается авторами сборника.

В открывающей издание статье *Ю. С. Степанова* «Пространства и миры – "новый", "воображаемый", "ментальный" и прочие» пространство рассматривается в качестве одного из «центров интереса» в философии языка: «Эта точка, это ключевое слово – "п р о с т р а н с т в о". Оно возникло перед нами теперь в двух взаимосвязанных смыслах: 1) философия языка как пространство философствования вообще и 2) концепт "Пространство" в философии языка. Его близкий синоним – концепт "Мир"» (с. 4). С позиций культурологии «речь идет, как мы уже сказали, о ментальном расширении первичного концепта, т. е. понятия "Мир как обжитое место" и о параллельном формировании двух понятий – "Ментальный мир" и "Мир Вселенная, Универсум". И, как нередко бывает и в других случаях, прообраз этого процесса, его модель, заданы самим языком в его внутреннем устройстве» (с. 6–7).

Для уяснения языкового базиса выявленного расщепления автор прибегает к анализу лингвистических данных по двум осям – по оси референции и по оси

семантики, последовательно изменяя «показатели» то одной, то другой. Проанализировав референционные пространства 1-го, 2-го и 3-го лица., Ю. С. Степанов приходит к следующим промежуточным выводам: «Во-первых, ментальное, или "идеальное", или воображаемое пространство формируется именно как пространство референции, т. е. в формах языка. Во-вторых, ему предшествует, под ним лежит, "его подстилает" (удачный английский термин – *underlies*) пространство семантики, т. е. мыслимое именно как видимое пространство, в котором размещены "вещи". В-третьих, в семантическом пространстве выделяется, таким образом, некоторое ядро – концепт "место"» (с. 10).

Культурологически первичный концепт «Место, где мы живем» сменяется концептом «Мир как Вселенная, Универсум», который связан с первым отношением расширения в пространстве. Оно, в свою очередь, порождает ряд логико-гносеологических проблем, впервые отчетливо сформулированных в XVII веке Б. Паскалем («некоторая семиотическая система с семиотической точки зрения может являться системой интерпретации какого-либо объекта, и в этом смысле включать его в себя; при этом в пространственном (и некоторых иных) отношении эта же семиотическая система может сама включаться в данный объект» – с. 12) и Г. В. Лейбниц (множественность миров также образует универсум).

Интересно, что вращая ментальные миры по оси референции, мы множим референциальные различия их, оставляя семантику статичной. Возможно и обратное действие – «оставить неизменной ось референции и изменять семантику. Тогда между нами окажутся миры, референционно тождественные, но семантически различные» (с. 16) – это иллюстрируется рассуждениями Вас. Розанова о приснодестве Марии.

Подводя итог своим рассуждениям, Ю. С. Степанов выделяет три направления семантики в философствовании: эйдетика (А. Ф. Лосев, Д. И. Руденко), геометрическая семантика (М. Хайдеггер, Ж. Делез) и семантика глаза (М. Мерло-Понти, С. И. Вавилов, сам автор). Эта последняя интересна тем, что «влечет к проблеме биологических основ эволюции, единства мира и к проблеме "цели" в его устройстве, к проблеме телеологии. (Нас не оставляет надежда – и мы не оставляем надежду – еще вернуться к этим темам, может быть – на страницах этого издания)» (с. 17).

«Методологическая рефлексия XX века, – читаем в статье **В. В. Прокопенко** "*Метафизика и метаκριтика*", – обобщила понятие языка до системы выразительных средств вообще, и эта достаточно прагматичная точка зрения позволяет ввести некоторые традиционные проблемы в специфическое измерение – языковое, в котором они приобретают своеобразное "второе дыхание". К числу таких проблем можно отнести и вопрос об отношении классической метафизики и новых постметафизических (а иногда – и постфилософских) теорий, которые чаще всего характеризуются решительным отталкиванием от метафизической проблематики, метафизической методологии и от основных

понятий метафизики вообще» (с. 19). Метафизическая критика смещает классическую метафизику в общий ряд языковых игр наряду с другими формами выражения. Более того, «критика уверенно связала метафизику с определенным типом коммуникации, в котором центральное место занимают отношения господства и подчинения. Метафизическое мышление чревато насилием, является проводником властных отношений в мировоззрении, метафизика – интеллектуальный эквивалент тоталитаризма...» (с. 25). Именно поэтому осмысление языка в современной философии, явственно отторгающейся от метафизики, направлено на «разработку альтернативных языковых практик, переосмысление общих принципов конструирования философского языка» (с. 26). В качестве одной из разновидностей критики метафизического дискурса, наряду с логико-лингвистическими исследованиями Дж. Мура и Р. Карнапа, автор анализирует идеи О. П. Флоренского, в метафизической модели которого используется «максимально индивидуализированный язык, словарь которого коренится в чувственных – эйдетических образах-концептах, что и позволяет обращаться к внелогическим основаниям познания, избегая метафизической ловушки» (с. 36). Это наводит на мысль, что «роль первой реальности» должны принять на себя некоторые абсолютные языковые структуры, обеспечивающие обновленной метафизике возможность движения к абсолютной «интерпретации мира» (с. 36). Правда, что это за абсолютные языковые структуры и основаны ли они на естественном языке – остается покрытым мраком.

Е. Юркевич в заметках «Философия безымянности (фрагменты мета-теории интерпретации)» задает вопрос: «Что определяет безымянность: как атрибутируется этот термин, каков его денотат и механизм воздействия на именной мир?» (с. 61). Интерпретация есть «интенция к авторству» (с. 64), в которой наличествуют следующие компоненты (или разновидности): скрытое переименование как присвоение забытого или непонятого гнозиса, при котором старое имя текста превращается в его архетип; сотворчество либо соавторство; обезымянивание как «стремление к патологической власти слова, имени» (с. 65); мифологизация – подчеркивание сложности, многоуровневости и неоднозначности интерпретации текста; мистификация текста через определенные коннотации имени его автора. Механизм мифологизации текста заключен именно в двойственности и символичности его семантики, ясной для создателя и требующей уяснения для интерпретатора. Вывод дискурса: «Мифичность отношений автора и интерпретатора центрируется вокруг бытия имени и обладания им. При этом имя само является символическим ядром этого мифа» (с. 74).

Работа **П. Серю** «Троицын день в науке, или импровизированная философия языка» продолжает поднимавшуюся в предыдущем сборнике тему лингвистики и языка в тоталитарном обществе. На этот раз швейцарский славист обращается к «проекту языка коммунизма», выдвинутого Э. Свадостом («Как возникнет всеобщий язык?» – М., 1968). Это лингвофилософский курьез, созданный в качестве языковедческого «подкрепления» национально-интернациональных концепций

волюнтаристского толка, характерных для СССР указанного периода, справедливо расценивается автором как вопиющий анахронизм, принадлежащий до-соссюррианской лингвистике. Работа не лишена как логики, так и чувства юмора.

В статье *«Текст – мир человека – культура: в пространстве современного эйдетизма»* Ю. Сватко ставит своей задачей «попытаться осмыслить то реальное гносеологическое "пространство интерпретации", которое сложилось, оформилось в русле европейской традиции философствования» (с. 37). Отталкиваясь от философии имени А. Ф. Лосева, автор прослеживает взаимодействие эйдетического и логического направлений в осмыслении имени: первое определяет философию имени как «пространство символа (и мифа, а далее – культуры)», второе – как «пространство знака». Нетрудно убедиться, что автор предпочитает первый подход. Общая авторская дефиниция имени, овещественная в словесных знаках в стиле А. Ф. Лосева, выглядит следующим образом: «Имя есть 1) энергичное проявление 2) сущности как 3) выраженной ("ставшей") 4) на (языковом) меоне (в слове как "вещи", "факта имени", предложении – как "ситуации имени", тексте – как "мире имени") 5) предметной сущности или 6) смысла, 7) символизирующее 8) единичность 9) подвижного 10) покоя 11) самоощущенного 12) различия и 13) умно-интеллигентно ("знательно") модифицируемое в 14) мифе, взятом как момент 15) живого 16) абсолютно-17) личностного 18) существенного 19) самовыражения и 20) магически-21) деятельно, 22) индивидуально- 23) личностно 24) узнаваем человеком в 25) культуре» (с. 55–56). Опуская компонент авторской аргументации, приведем лишь вывод: «мы оказываемся в преддверии уникального События – рождения имени, Имени Культуры, объединяющего мир (включая и самого человека, а еще точнее – именно Мир человека) в некое принципиально новое единое целое, то искомое (к сожалению, все еще не выстраданное окончательно XX веком) единство, которое и заключено в именной модели европейского мира "ТЕКСТ – МИР ЧЕЛОВЕКА – КУЛЬТУРА" (с. 60). С этим можно было бы поспорить, если бы философствование не было бы по большому счету личностно-бытийным осмыслением индивидуальной ценности своего собственного самовыражения, погруженного в пространство языковых структур знания.

Статья С. А. Мезенцесова *«В пространстве субъектно-предикатных форм»* характеризуется движением мысли от лингвистики к философии. При некоторых вызывающих возражение концептуальных декларациях (напр., об утрате онтологической целостности объекта при системном подходе к явлениям языка или о понимании предикации в лингвистике как отношения между подлежащим и сказуемым в высказывании), тем не менее весьма интересна авторская классификация разновидностей предикации, опирающаяся на сопряжение признаков «коммуникация/когниция» и «тождество/подобие».

Небольшое эссе Ю. В. Лучинского *«Эйдос "прошлого" в поэтической картине мира (Чарльз Олсон: в поисках языка сущности)»* посвящено одной постмодернистской попытке «схватывания эйдоса Прошлого» для «очищения»

поэтического имени от напластований культур и эпох и постижения на этой основе его истинной сути. «Трансформировав свой опыт посредством своеобразной поэтической медитации, объектом которой выступает эйдос Прошлого, поэт может открыть свое сознание для интуитивно воспринимаемой истины» (с. 118), – так интерпретирует автор поэтическое кредо Чарльза Олсона – главы американских модернистов – «поэтов Черной горы».

В философском опыте **Ж. Делеза** «*О смерти человека и о сверхчеловеке*», уже относящегося к классике культурологии, опираясь на принцип М. Фуко «*Всякая форма слагается из соотношения сил*», анализирует векторы «классической» исторической формации и исторической формации XIX в., чтобы на этой основе попытаться спрогнозировать «соотношение сил» в формации будущего. Ж. Делез определяет его как ситуацию Сверхсгибания, создания новой формы, «относительно которой можно надеяться, что она будет не хуже, чем две предшествующие» (с. 128).

В завершающей сборник работе «*Пространство: грань бытия*» **Д. И. Руденко** рассматривает «проблему пространства как универсального символа культуры» (с. 129). В этой связи рассматривается пространство в философии театра А. Арто, в поэтике Э. Андиевской, в философии искусства, в творчестве В. Гомбровича и Л. Захер-Мазоха. Особое внимание обращается на личностный аспект постмодернизма, который, по Д. И. Руденко, характеризуется следующими чертами: авторская картина мира в постмодерне незамкнута; «в постмодерне прослеживаются автогерменевтические моменты, связанные с реинтерпретацией текстовых составляющих» (с. 141); «автор в постмодерне скорее расширяет – не только в актуально-экстенциональном, но и потенциальном, связанном с жесткостью границы между произведением и миром смысле – рамки своего авторства» (с. 140). Это позволяет говорить о постмодернистском авторе как о дирижере (ср. в этой связи предисловие автора к книге Ю. С. Степанова «*В трехмерном пространстве языка*»). Таким образом, «ситуация постмодерна может рассматриваться как одно из проявлений широты эпистемологических рамок философии имени.» (с. 145).

Общий вывод, к которому приходит автор работы, заключен в следующем: «Опять подтверждается ощущение того, что проблема пространства в значительной мере является проблемой философии языка: "край", граница пространства человеческого бытия во многом совпадает (во всяком случае сложно взаимодействует) с границами языка, отделяющей уже "мыслимое" от еще не мыслимого и в то же время собирающей "мыслимое", "осмысленное", "бытийное", расширяющей их пространство» (с. 167).

Эти слова превосходно подводят итоги и всему сборнику.

В. В. Борисевич